

Л.Я. Ландесман-Беленькая

Дом на Черноморской

Отрывок из воспоминаний

Молодые годы Лидии Яковлевны прошли на Черноморской. На ушедшей в море стороне улицы в доме № 21 размещалась лечебница ее отца доктора Якова Ландесмана, в которой жил и о которой писал Паустовский: «На Черноморской улице, тянувшейся к обрыву над морем, был частный санаторий для нервных больных». Там же в 1938 году жил Аркадий Гайдар. Кроме того, история семьи доктора тесно связана с двухэтажным домом на четной стороне улицы, с домом, в котором после войны располагалась Одесская палата мер и весов. Подробные сведения об этом – в предлагаемых воспоминаниях.

Ян приехал в отпуск, и я обещала сходить с ним и Мариной на Черноморскую, показать дом, в котором мы с Мишей, их отцом, жили, когда были детьми*.

Мы вошли в калитку, миновали палисадник с соснами, росли под нашими окнами, – они сравнялись теперь с крышей дома – поднялись на второй этаж по широкой лестнице с дубовыми ступенями и перилами и попали в «нашу» квартиру. Мы оказались там снова через сорок лет**.

Дом уже не был нашим, а теперь оба его этажа занимала какая-то техническая контора***. В нашей прежней столовой находились рабочие столы с приборами. Кончался рабочий день. В окна, выходящие на запад, светило солнце. Лучи отражались в стеклах приборов, совсем как когда-то, когда я, возвратившись домой из института, входила в ту же столовую: ее так же освещало предве-

* Ян и Марина – дети брата, Михаила Ландесмана.

** Воспоминания написаны в 1974 году.

*** Палата мер и весов.

чернее солнце, лучи которого играли на тарелках в буфете и старом подносе. У меня сдавило горло.

Один из работников поднял голову и осведомился о цели нашего прихода. Некоторое время я не могла ничего ответить, а потом с трудом произнесла:

– Простите, пожалуйста, я жила в этой квартире много лет назад. Захотелось прийти, посмотреть, вспомнить и детям показать.

Он пожал плечами:

– Странная какая-то квартира. Люди приходят, стоят, вспоминают, плачут. Вы уже не первая.

– Это они молодость вспоминают, – сказал кто-то из сотрудников.

Нам показалось неудобным больше задерживаться и мешать работать людям. И мы ушли, но клубок воспоминаний начал раскручиваться. Образы детства и юности всплывали с удивительной четкостью, толпились, чередовались.

Однажды мама сказала:

– Каганы вернулись. Они ездили во Францию в связи с болезнью Елены Ефимовны и Лидочки*. Они возвратились северным путем через Петербург. Им с трудом удалось добраться домой. Завтра мы к ним пойдем.

Со следующего дня начался «кагановский» период моей жизни.

Известный советский математик Вениамин Федорович Каган** вернулся в Одессу из-за границы в начале первой мировой войны с больной женой и двумя молоденькими дочерьми. Он поселился в той самой квартире на Черноморской улице, в которой позже, после его отъезда в Москву, жили мы, а теперь находится техническая контора. С его поселением за этой квартирой закрепилось название «кагановская», и это название сохранилось надолго.

* Жена и дочь Кагана.

** В.Ф. Каган (1869-1953) – известный математик, доктор физико-математических наук, профессор МГУ (с 1923 года), заслуженный деятель науки, орденносец, лауреат Государственной премии. Труды по неевклидовой и дифференциальной геометрии, создатель научной школы. Один из пионеров преподавания общей теории относительности. Редактор многих математических изданий.

«Кагановскую» квартиру все приходившие туда любили. С ней была связана молодость нескольких поколений, встречи литературные и научные, влюбленности, «трагические» романы и «комические» истории. Квартиру эту бранили за холод в просторных комнатах, которые невозможно было отопить, за ветер, продувавший ее вдоль и поперек в осенние пасмурные дни, наконец, за дальность расположения от центра города, от учебных заведений и библиотек, с которыми была связана профессиональная жизнь ее посетителей. И все-таки в «кагановскую» квартиру приходили. Она, как магнит, притягивала к себе людей.

Особый ее дух и стиль начинался с входной двери, на которой была прибита табличка с надписью: «Редакция журнала «Вестник опытной физики и элементарной математики»^{***}. Прибита она была намертво. После отъезда Каганов в Москву^{****} нам не удалось ее снять. Она еще долго висела на наших дверях, напоминая о Каганах. И еще долго в «кагановскую» квартиру приходили большие конверты и бандероли, адресованные редакции журнала. Мы же их отсылали в Москву, на Большую Полянку, где поселились Каганы.

Редакция «Вестника» фактически помещалась в кабинете Вениамина Федоровича. Там стояли огромные шкафы с книгами на верхних полках и папками с рукописями на нижних. Большой письменный стол посреди кабинета всегда был завален редакционными материалами. Вениамин Федорович никогда за ним не работал. Он занимался в соседней маленькой спальне: стоял за высокой конторкой или, размышляя, шагал по квартире. Таким я его запомнила. Выше среднего роста, с небольшой черной с проседью ассирийской бородой, печальными глубокими глазами. Очень красивый, даже величественный, он широкими шагами двигался по квартире, переходя из кабинета, где занимался редакционными делами, в спальню, в которой подолгу задерживался для научных занятий.

Общественный и научный авторитет этого человека был чрезвычайно велик. К нему обращалось множество людей за научны-

^{***} В.Ф. Каган возглавлял журнал с 1902 до 1917 г.

^{****} В 1922 или 1923 году.

ми советами и помощью, по личным и общественным мотивам. И он никогда никому не отказывал. Его простота, доступность, большое личное обаяние привлекали людей. В доме Кагана всегда былолюдно. По вечерам в столовой, кабинете, в комнате дочек толпился народ. Конечно, преобладали молодые математики – ученики Вениамина Федоровича, многие из которых со временем приобрели научную известность. Но приходили и люди других профессий и интересов.

В начале 20-х годов (время, которое я уже лучше помню) гости различных возрастов, профессий и социальных уровней пили в столовой чай с сахарином и черным хлебом. Среди постоянно бывавших у Каганов людей я вспоминаю ближайшего друга Вениамина Федоровича и коллегу по работе профессора С.О. Шатуновского*.

Невысокий, сутулый, с большой седой бородой и длинными волосами, обрамляющими голую макушку, язвительный, даже желчный, гроза нерадивых студентов, он представлял полную противоположность хозяину дома. Насколько Вениамин Федорович был мягким, доброжелательным, спокойным, настолько Самуил Осипович был раздражительным, малодоступным и казался замкнутым и недоверчивым.

Он жил одиноко. С женой он расстался. Была у него дочь, лечившаяся от туберкулеза где-то в Италии. Там она и застряла. От семьи он отвык. О своем прошлом рассказывал мало и неохотно. По-видимому, молодость у него была тяжелой. Однако за этой не располагающей к себе внешностью скрывалось большое благородство, независимость, принципиальность и беспредельная преданность науке, работе, товарищам, и особенно ученикам.

Я вспоминаю, как незадолго до смерти, уже тяжело больной, Самуил Осипович продолжал ездить на лекции. Он жил в двух кварталах от университета, но добраться пешком уже не мог. За ним приезжали извозчичьи дрожки. Ездил он в со-

* С.О. Шатуновский (1859-1929) – известный математик, профессор Новороссийского университета (Одесса). Труды по алгебре, теории чисел и функций комплексного переменного и др. Как и проф. В.Ф. Каган, один из основателей известной в прошлом одесской математической школы.

провожении кого-нибудь из своих ближайших учеников. Лекции профессор читал сидя, негромко, слабым голосом, но отчетливо. Писать на доске ему было трудно, поэтому сопровождавший его ассистент записывал на доске все необходимое. Синхронность объяснения и записи свидетельствует о прекрасном знании учеником курса учителя, об их большой научной близости.

Шатуновского, как и Кагана, постоянно окружали молодые математики и молодежь других профессий. Все они навещали учителя в его холостяцкой квартире, подолгу там задерживались для занятий и просто для бесед. Окружавшие Шатуновского люди ценили и любили Самуила Осиповича, хотя и побаивались его острого и насмешливого ума.

Каган и Шатуновский часто подтрунивали друг над другом. Основанием для шуток служила всем и им самим известная противоположность характеров, которая, однако, не мешала их тесной дружбе. Каган подсмеивался над рассеянностью и забывчивостью Шатуновского, а тот шутил над педантизмом Кагана, над его немецкой организованностью и методичностью.

– Если нас с вами соединить, Вениамин Федорович, – сказал однажды со смехом Шатуновский, – то получится превосходный, единственный в своем роде ученый.

В доме Каганов Шатуновский душевно отогревался. Он становился словоохотливым, шутил с молодежью, охотно принимал участие в литературных играх, буриме, розыгрышах шарад, то есть во всем, что было в ходу у Каганов.

Судьбы двух друзей были во многом сходны. Этим крупным ученым и блестящим лекторам ограничивало царское правительство: в университете им не давали профессорские должности. В конце концов, после длительной борьбы Каган и Шатуновский добились только приват-доцентуры, не дававшей отнюдь средств к существованию, поэтому они были вынуждены зарабатывать на жизнь преподаванием в средней школе, в частных женских и мужских гимназиях, и даже давали частные уроки. После большевистской революции ученые получили доступ в университет и заняли там достойное положение. У них появились учени-

ки, способные продолжить их деятельность. И зародилась одесская математическая школа.

Каган и Шатуновский принадлежали к той части академической интеллигенции, которая приняла новую власть и связала с ней свою судьбу. Некоторые из старых знакомых и даже друзей от них отшатнулись. Стали поговаривать даже о «большевизме» Кагана и Шатуновского. Тем не менее, разговоры эти не мешали ученым твердо продолжать свою линию поведения.

Одесской академической интеллигенции тех лет была свойственна известная замкнутость. Существовали закрытые кружки тесно связанных людей. Новых членов они принимали неохотно. Кружки эти нередко предполагали общность не только профессиональных интересов, но и политических взглядов, и даже национальной принадлежности. В доме Кагана ничего подобного, никакой узости не было. За чайным столом у них встречались и беседовали различные во многих отношениях люди. Вот запомнившиеся мне имена: бывший священник, высокообразованный теолог, профессор церковного права А.И. Покровский; музыкант, чех по национальности, дирижер оперного театра маэстро Иосиф Прибик; профессор анатомии и тонкий рисовальщик Лысенков; выдающийся пушкинист и литературовед, позднее академик М.П. Алексеев; известный физик профессор Папалекси; выдающийся химик академик А.Н. Фрумкин; сотрудники редакции «Вестника» профессора Орбинский и Тимченко. Бывали там и другие люди, всех не упомнить.

В доме Кагана неизбежно завязывались и горячие политические споры, порой заканчивавшиеся бурными размолвками. Были они отголосками исторических сдвигов, происходивших в окружающем мире. Я вспоминаю один такой страстный спор между профессором химии А.С. Комаровским, бывшим кадетом, и профессором истории И.А. Хмельницким, коммунистом. (Этот историк уже тогда, в первые годы советской власти, начал работу по собиранию партийного архива и организации в Одессе института Истпарта, директором которого он стал.) Этот спор касался отношения интеллигенции

к советской власти. И закончился он полным разрывом ранее близких людей. Комаровский перестал бывать у Каганов, общаться с их друзьями.

В таких спорах политическая позиция хозяина дома ни у кого не вызывала сомнения. Вспоминаются в этой связи шуточные строчки, сочиненные кем-то из постоянных посетителей кагановской квартиры. Они были адресованы тем, кто обвинял Кагана в «большевизме», а его дочерей – в чересчур обширных неразборчивых знакомствах с людьми не «их круга»:

А в Европе страшный крик:
Двигаются танки,
Папа Каган – большевик,
Дочки – хулиганки!

У Каганов нередко проходили беседы на научные и литературные темы. Иногда запланированные заранее. На одной из таких бесед речь шла о теории относительности Эйнштейна. О ней тогда только начинали говорить. Наряду с физиками и математиками в этой беседе участвовал и всех удивил прекрасными знаниями вопроса профессор медицины невролог И.С. Мильман, образованнейший биолог и философ по призванию. Высокий, хмурый, с невыразительным и даже «неинтеллигентным» лицом, никогда не смотревший в глаза собеседнику Мильман был постоянно поглощен своими мыслями. В нем всегда глубокая внутренняя работа. Это делало его человеком трудным в общении и даже чужаковатым. Вы не могли быть уверены, что он слушает вас, когда вы с ним говорите. Но беседовать с ним было чрезвычайно интересно. Он действительно все знал! Благодаря прекрасному владению иностранными языками и исключительной памяти он держал в голове огромные запасы самых разных сведений. В чужой научной области он владел информацией значительно более полной, чем самые квалифицированные специалисты.

Пока в кабинете Вениамина Федоровича говорили и спорили об Эйнштейне и о последних работах по высшей математике, рядом, на большой террасе, выходявшей в парк и обви-

той синими гроздьями благоухающей глицинии, молодежь слушала в авторском исполнении лирические стихи Веры Михайловны Инбер.

Отец Веры Инбер, издатель, был связан с математическим журналом Кагана и часто бывал у него по редакционным и издательским делам. Затем в квартире на Черноморской появилась и дочь издателя. Все молодое поколение кагановской квартиры, дочери хозяина, их подруги и приятели, увлекались поэзией Инбер, знали на память многие стихи из недавно вышедших сборников.

Не помню уже, у кого из молодежи возникла идея в домашней обстановке инсценировать под Новый год некоторые стихотворения молодой поэтессы. Идея эта осуществилась. Режиссировала сама Вера. Кабинет Кагана перестроили под бар, отделили сцену. Главную роль Незнакомки, посещавшей бар Пикадилли и погубившей мальчика Джонни*, исполнила рыжая красавица Киса Рабкина, дочь известного физиолога и сокурсница по медицинскому институту старшей дочери Кагана. В роли посетителей Пикадилли-бара за столикам сидели тогда молодые, но будущие академики и профессора математики со своими «дамами». Роли последних играли дочери Самуила Осиповича и их подруги, в том числе и сама Вера Михайловна. А среди столиков вертелась одетая в лохмотья маленькая нищенка, которая предлагала джентльменам и дамам букетики цветов. Это была я.

Сейчас почти не осталось людей, которые помнят эту встречу 1922 года. Ведь с тех пор прошло более пятидесяти лет. То были годы неустроенной, тяжелой, подчас голодной жизни в условиях революции. Не хватало топлива, продовольствия, плохо было с водой.

Трудно было Каганам и их друзьям, но побеждали молодость и оптимизм. Они не унывали и даже подтрунивали над трудностями. Вспоминается еще одно четверостишие, отражающее тяготы жизни того времени. Об одном из профессоров математики, Ю.Г. Рабиновиче – друге Вениамина Федоро-

* «У маленького Джонни горячие ладони и зубы, как миндаль. И чтоб не говорили о баре Пикадилли, но это славный бар».

вича и частом его госте, – кто-то сочинил такие «незабываемые» строки:

Он окна клеит в кабинете,
А теорем полны глаза.
Он носит воду на рассвете
И пилит с Каганом дрова.

О том, как ходили на рассвете жители Черноморской и Вера Инбер по воду, вспоминает К. Паустовский, живший на этой улице в те времена.

Духовная атмосфера в семье Каганов определила их дальнейший жизненный путь. В.Ф. Каган, переехавший в Москву по приглашению академика О.Ю. Шмидта, возглавил одну из кафедр в МГУ и отдел естествознания и точных наук в БСЭ. С ним переехали его вторая жена Мария Соломоновна и обе дочери.

Старшая дочь Надя, врач, после окончания аспирантуры работала старшим научным сотрудником в Институте экспериментальной медицины им. М. Горького. Там-то и случилось с ней большое несчастье, подкосившее благополучие всей семьи. Надежда Вениаминовна стала жертвой научного эксперимента. Она погибла в результате заражения препаратом вируса энцефалита, свойства которого изучала. Ее памяти был посвящен специальный том «Архива биологических наук». В него была включена ее последняя научная работа.

У нее остались два сына. Может быть, в их или их детей руки когда-нибудь попадут эти воспоминания. Мне бы хотелось, чтобы они прочли то, что здесь написано о жизни их деда или прадеда, о времени, когда Надежда Вениаминовна была молода, и о друзьях одесского дома Каганов.

Младшая дочь, Лидия Вениаминовна, была моей подругой. Она была старше меня, и я очень многим обязана ее благотворному влиянию. Она была сложным, очень интересным и несчастливым человеком. После перенесенного в детстве туберкулезного коксита она сильно хромала. Это обстоятельство отложило отпечаток на все ее мироощущение. Она считала себя очень непривлекательной и страдала от отсутствия мужского

внимания в собственном доме, где постоянно бывало много интересных молодых людей. Но она была несправедлива к себе. Лидочка, как мы все ее называли, была похожа на отца, у нее было умное интеллигентное лицо, живой взгляд. Все чувствовали, что она добра и превосходный товарищ, щедро делившийся своим вниманием и вообще всем, что имела. Все ее нежно любили и высоко ценили.

Увлекаясь с детства гуманитарными науками, прекрасно владея тремя западноевропейскими языками, Лидочка стала серьезным специалистом по иностранной литературе. Но и ее жизнь оборвалась трагически и безвременно. Она погибла в автомобильной катастрофе.

Публикация Владимира Серебро
Нью-Йорк

